
Георгий Запалов
МЕТИС
АНГЕЛ–ХРАНИТЕЛЬ
Эта история не только
о необыкновенной собаке.
Эта история о любви
и преданности.
Эта история о нас с вами

Георгий Запалов

Метис. Ангел-хранитель. Эта история не только о необыкновенной собаке. Эта история о любви и преданности. Эта история о нас с вами

«Издательские решения»

Запалов Г.

Метис. Ангел-хранитель. Эта история не только о необыкновенной собаке. Эта история о любви и преданности. Эта история о нас с вами / Г. Запалов — «Издательские решения»,

Когда горы упадут на землю и реки повернутся вспять, когда солнце испепелит все живое на земле и силы зла возликуют в предчувствии победы над силами добра, с небес придет Он! Израненный, но непобежденный, опаленный дыханием смерти, восставший из ада и возрожденный из пепла. Последний воин добра и справедливости. Ангел-хранитель, готовый отдать свою жизнь во имя спасения каждого, кто тебе дорог.

© Запалов Г.
© Издательские решения

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Вектор Судьбы 8
Глава 2. Старая голубятня 14
Глава 3. Егерь 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Метис. Ангел-хранитель Эта история не только о необыкновенной собаке. Эта история о любви и преданности. Эта история о нас с вами

Георгий Запалов

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного.
Евангелие по Матфею, 18:10

© Георгий Запалов, 2016

Редактор Владимир Ведерников

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Человек, самое коварное, лживое и жестокое существо на земле. Он убивает себе подобных изощренно, безжалостно и цинично. Практически всегда человек делает это из корыстных побуждений, иногда просто из спортивного интереса, но самое главное, он никогда не задумывается, о том, что ожидает его самого, когда оружие Возмездия, неминуемо опустится на его голову. В жизни любого человека, неизбежно наступает момент, когда ему приходится отвечать за свои дела и поступки. Кто с уверенностью может сказать, что он к этому готов? Где, та грань, которая превращает нас, из палача, в жертву? Откуда начинается черта, переступив которую однажды, мы навсегда становимся другими людьми, теми, которые идут по жизни, не оборачиваясь на принципы человеческой морали в своём желании познать истину? Кто будет с нами в последний день, отведенный нам на земле? Сколько вопросов. И никаких ответов. Все потому, что правда находится внутри нас. У каждого свой ответ и свой путь.

Эта история не только о необыкновенной собаке. Эта история о любви и преданности. Эта история о нас с Вами.

Нет такого человека на земном шаре, у которого бы не было своего Ангела Хранителя. Человек живет и думает, что он сам творец и вершитель своей судьбы. Он просыпается каждое утро. Строит планы, принимает душ, чистит зубы, выпивает чашку ароматного кофе и, одевшись соответственно своему настроению, спешит по неотложным и важным, как ему кажется, делам. В другом конце города, незнакомый ему человек делает то же самое, практически, в такой же последовательности. Он целует спящую любимую женщину, захлопывает входную дверь и, одеваясь на бегу, спешит к своему автомобилю. И вот уже ключ вставлен в замок зажигания, пристегнут ремень безопасности, и с этого мгновения, этих ничем не связанных между собой людей, вектор судьбы неумолимо, словно магнит, притягивает одного к другому. Они двигаются навстречу друг к другу, а до рокового момента остается все меньше и меньше времени. И вот уже он, этот судьбоносный перекресток, по странному стечению обстоятельств не включившийся светофор, и происходит то, что еще при рождении расписано каждому человеку. Вектор судьбы останавливает жизнь одного и навсегда ломает жизнь другого. Если бы можно было, как кинопленку отмотать время назад и, изменив вектор судьбы, задать ему другое направление, ситуация предстала бы в другом виде, а эти люди никогда бы не встретились. Задержись на минутку возле лифта, выпей с женой чашку утреннего кофе или заскочи в магазин за пачкой сигарет. Вектор стал другим, и их дороги расходятся. Траектория изменена, их судьба уже совершенно иная. Новые события ждут этих людей впереди, каждому уготован другой путь и иной финал. Мы часто думаем, что мы хозяева своей судьбы, но, увы, все события в нашей жизни, предопределены в момент нашего рождения. Старуха судьба открывает книгу жизни с чистого листа и начинает новую страницу. В этот момент и появляется тот, кто сопровождает нас всю жизнь. Незримая рука направляет или останавливает нас. Это именно он, Ангел Хранитель, спустившийся с небес или восставший из ада. Это именно он стоит у нас за спиной и подсказывает, по какой дороге нам идти. Это он закрывает шлагбаум у нас перед самым носом, и мы опаздываем на самую важную встречу в жизни. Это он не дает нам проснуться, и мы не попадаем на борт рокового самолета. У каждого из нас есть свой Ангел Хранитель. Он живет в нашем сердце. Мы не узнаём его, называя внутренним голосом или интуицией. Но если мы всё еще живем, дышим, любим, действуем, значит, Ангел здесь, с нами. Значит, мы научились слушать своё сердце, нет, не разум, а именно сердце, значит, мы научились узнавать тайные знаки, предостережения, которые нам посылает наш Ангел Хранитель.

В самые сложные и критические моменты нашей жизни, когда кажется, что всё висит на волоске и спасения нет, он может воплотиться в плоть и кровь и предстать перед нами, вопреки правилам Ангелов, в реальном образе. Это может быть человек, собака, это может быть кто угодно, но когда он приходит, мы начинаем верить, верить в то, что он есть. Верить, несмотря ни на что в то, что Ангел всегда с нами. Он видит всё, его незримый глаз следит за каждым нашим шагом, а нам остается только жить и прислушиваться к его голосу, жить и ждать, когда он подаст нам очередной знак. И тогда вектор судьбы опять поменяет своё направление, а он снова займет свое законное место у нас за спиной, чуточку повыше головы. Он – наш Ангел Хранитель.

Глава 1. Вектор Судьбы

Осенний дождь барабанил по крыше с такой силой, что казалось ещё немного и под натиском этого неудержимого потока воды, потолочные перекрытия рухнут и похоронят под собой все живое, не оставив ни малейшего шанса на выживание всем, кто находился внутри.

Два человека шли по длинному коридору и оживленно спорили, размахивая руками. Их голоса и грохот армейских сапог эхом разносились под сводами старого здания. Этот шум заглушал собой отголоски стихии, и по накалу страстей матушка природа отступала тихо на задний план, уступая место человеку и буре эмоций, из которых и состоял весь диалог.

– Да пойми же ты, Петрович, я получил приказ, сверху, с самого высокого верху, от меня ничего не зависит, – гневно кричал высокий полковник в мокрой шинели с красной папкой в руке. Он нервно позвякивал связкой ключей и почему-то отводил взгляд в сторону от собеседника.

– Я не хочу Вас понимать, товарищ полковник! – Не менее громко отвечал невысокий, уже в годах, седоватый, и слегка располневший офицер в форме капитана.

– Этих собак нельзя усыплять, это неправильно! Да Вы поймите, в их послужном списке десятки задержаний, сотни спасенных жизней, у них награды есть! Вы понимаете?! Награды! – Настойчиво и эмоционально, кричал капитан.

– Я понимаю все, – отвечал высокий полковник, своему собеседнику. – Только завтра в 9—00 привезут новых собак, молодых, обученных и сильных. Мне нужно их ставить на довольствие, расселять, а вы мне устроили тут дом престарелых для калеченых животных.

– Ну, какие они калеки? – умоляющим голосом прошептал тот, кого не хотели слышать. – Они верой и правдой, они, собой закрывая, они, как люди… Эти собаки все понимают!

– Петрович, заканчивай свой Гринпис или, как там это называется? – Явно вспомнив, что он все-таки начальник, уверенным голосом сказал человек с красной папкой.

– Даю тебе время до завтра. До 8—00, чтобы ты Петрович, выполнил приказ! Доктор придет ровно в семь, усыпляй и давай служить дальше. Жизнь-то, она не заканчивается на твоих собаках.

Маленький капитан вдруг стал спокойным. Эмоции исчезли с его лица. Он резко повернулся лицом к собеседнику, посмотрел ему прямо в глаза и уверенным, ровным голосом, полным безысходного отчаяния сказал:

– У каждой из этих собак, больше боевых ран, чем у тебя полковник естественных отверстий. Прости за грубость. – помолчал несколько секунд, наблюдая за реакцией полковника, на его слова, и добавил, – Интересно, а когда тебя спишут на пенсию, к тебе тоже сверху приказом пришлют доктора с уколом на усыпление?

– ЧТО? – Гневно воскликнул высокий полковник. Он явно не ожидал, такого поворота в разговоре. – Ну, Петрович, если бы я тебя не знал столько лет, если бы мы с тобой тогда в Афгане, если бы я не был тебе обязан! Эх, Петрович, Петрович, всю кровь ты из меня выпил своими собаками. Знаешь, почему Петрович ты до сих пор выше капитана не поднялся? Потому что совести в тебе много. Давно бы уже получил полковника, квартиру, хорошую пенсию. Так нет же, всегда поперек идешь, в разрез, как говорится.

– Так, это меня батя так учил, не умею я иначе, – ответил Петрович, – видимо твой отец учил тебя другим вещам, полковник.

В этот момент они подошли к одному из вольеров. Полковник с папкой ткнул небрежно указательным пальцем в ржавую и очень старую табличку, на которой уже не видно было надписи и сухим равнодушным голосом, переполненным казенного чванства спросил:

– Ну, кто у нас тут?

Капитан Еременко кадровый офицер, отдавший всю свою жизнь служению Родине, вдруг втянул плечи, опустил голову и стал похож не на боевого офицера, а скорее на жалкого выпивоху возле винного магазина.

– Ну? Петрович! – Не унимался начальник. – Кто у нас первый? Говори.

Петрович набрал полные легкие воздуха и, удерживая в себе скупую мужскую слезу, произнес одно слово. Это была кличка собаки, услышав которую высокий полковник выронил красную жесткую папку из рук и лицо его стало белым, как мел.

– Кто ты сказал? – Прошептал полковник. – Петрович повтори. Кто?

И под сводами старой царской тюрьмы, заглушая грохот дождя по крыше, как пистолетный выстрел прозвучало:

– Метис.

Эхом по каменным коридорам повторилось это слово несколько раз, и воцарилась пугающая своей тишиной пауза.

– Тот самый? – Прошептал полковник. – Неужели тот самый? Этого не может быть.

Он подошел к Петровичу, который стоял сгорбившись и иступлено смотрел в одну точку, наклонился к самому уху капитана и тихо прошептал:

– Уводи его отсюда, слышишь? Александр Петрович, я приказываю тебе, уводи его отсюда. Завтра в семь утра придет доктор усыплять списанных собак. У тебя есть целая ночь. Он должен жить. Я приказываю тебе. Он должен жить.

Петрович встрепенулся, как человек получивший последний шанс, выхватил у полковника из рук связку ключей и, громыхая сапогами побежал к выходу, на бегу подбирая нужные ключи.

Полковник подошел к вольеру и, через почерневшую от времени решетку, которая закрывала проем небольшого окна, заглянул внутрь. Было очень темно. В самом дальнем углу, свернувшись калачиком, казалось бездыханно, лежал внушительных размеров пес.

– Ну, здравствуй, дружище! Вот он ты какой, долгие годы, я мечтал увидеть тебя, за сына сказать спасибо, а, вот видишь, как получается. Выходит, я за твоей жизнью пришел, а ты мою жизнь мне подарил. Несправедливо как-то, не по-людски, – задумчиво произнес полковник и ничего не услышал в ответ, ни шороха, ни звука.

Он подошел к старой и вытертой табличке, рукавом белоснежной рубашки стер с нее пыль и прочитал еле видимую надпись «МЕТИС, ответственный Сергиенко С. Н.»

Полковник постоял еще минуту задумчиво глядя на табличку, после чего резко повернулся и, не говоря ни слова, зашагал по коридору в сторону выхода.

За три месяца до этих событий, произошло то с чего все и началось.

Группа спецназа проводила задержание опасного рецидивиста. Бандит укрылся в квартире и удерживал в заложниках женщину с ребенком. В тот момент, когда оперативники ворвалась в помещение, преступник выбросил руку вперед и наугад произвел несколько выстрелов. Одна из пуль попала лейтенанту Сергиенко прямо в сердце. Он умер мгновенно, шансов выжить у него не было никаких.

Метису каждую ночь снились эти последние мгновения жизни Сергея, человека, которого старый верный пес любил больше всего на свете, любил больше жизни.

Как в замедленной киноленте, прокручивал Метис в своей памяти эти события. Ему становилось горько и обидно от того, что, даже бросившись на дуло пистолета, и закрыв собой своего хозяина, ему не удалось его спасти. Пуля, по одной ей ведомой траектории прошла мимо его сердца в каких-то нескольких сантиметрах и попала в сердце самого дорогого для него человека. Память вновь и вновь возвращала одинокого пса в эту залитую кровью квартиру. Он помнил все до мельчайших подробностей. Единственное, чего он не мог вспомнить, как вцепился в горло этому уголовнику, который в одно мгновение сделал его

сиротой, и одним рывком острых клыков, приговорил бандита своим личным судом, судом боевого товарища, мстившего за друга к высшей мере наказания.

Потом его посадили в клетку. Она находилась в задней части служебной машины. Через ржавые решетки Метис видел, как Сергея положили на носилки и накрыли белой простыней. Сквозь туман помутненного рассудка слышал он слова офицеров, которые что-то бурно обсуждали и качали головами. Лица их были угрюмы и печальны.

– Жалко Серегу, Метиса понять можно, но перегнул, ох перегнул, – доносились до него обрывки фраз.

– Да у него же никого не было, детдомовский он, ни родителей, ни семьи, вон только пес и больше никого.

– Метис не сможет больше работать, психика испорчена навсегда, хоть он и лучший, но кто теперь его сможет заменить? Пожалуй, никто.

Метис слышал и понимал эти слова, но ему было все равно. Он не хотел жить. Ему хотелось растянуться возле носилок с простыней, через которую начали проступать капельки крови, положить голову на плечо своего хозяина, и вот так вот умереть.

За свою долгую собачью жизнь, Метис видел много смертей. Он даже привык к мысли о том, что каждый день кто-то умирает или в перестрелке при задержании, или от шального выстрела. Но эту смерть он пережить не мог.

Ему казалось, что вот сейчас откинется белая ткань, Сергей поднимется, подойдет к нему, как всегда ущипнет его за мокрый нос и скажет:

– Привет, Акелла! Как поживаешь, старина? – И обязательно улыбнется своей неподражаемой улыбкой.

Но простыня не откидывалась, Сергей не вставал, чуда не произошло.

Потом приехала белая машина с красным крестом, и тело Сергея увезли в одном направлении, а уазик, в котором лежал закрытый на замок Метис, уехал в другом.

Петрович вбежал в дежурку как ошпаренный и, сжимая в руке заветный ключ, сразу ринулся к большому, старом сейфу. Нервным рывком он распахнул скрипучую дверцу и тяжело дыша начал судорожно перебирать папки, аккуратно сложенные в алфавитном порядке.

За всеми этими странными манипуляциями наблюдал молодой дежурный офицер с красной повязкой на руке, и соответствующей надписью на ней.

– Что с тобой Петрович? – Спросил дежурный, опустив трубку телефона, и с неподдельным интересом заглянул в сейф, через плечо своего взволнованного сослуживца.

– Молчи, Иван, просто молчи, – прошептал Петрович и вытащил из глубины толстую потертую папку.

– А, понятно, – вздохнул молодой офицер и открыл исчерканный журнал с кроссвордами.

– Петрович, и дался тебе этот Метис? Старый, хромой, списанный и никому уже не нужный пес.

Петрович резко развернулся и схватил лейтенанта двумя руками за воротник.

– Это не просто пес! Это наш боевой товарищ, это боевая единица. Ты понял меня, сынок?

Дежурный равнодушно покачал головой, поправил воротник, вытащил из кармана ручку и принялся за кроссворд. Делал это он с таким видом, как будто спасение земли зависело только от него одного.

Не мешкая ни секунды, Петрович открыл папку и направил свет настольной лампы на ее содержимое. В этой папке было все, что касалось Метиса и его жизни в мельчайших подробностях. Это было его Личное Дело.

Петрович начал читать бегло. Собака Специальной подготовки, кличка Метис. Ответственный, Сергиенко Сергей Николаевич (погиб при исполнении служебных обязанностей).

Петрович вырвал несколько листов из Личного Дела и аккуратно сложил их стопочкой на краю стола. После этого, он взял ручку и размашистым некрасивым почерком написал в правом углу папки, финальную фразу: «Усыплен согласно приказа МО №243. Факт усыпления констатировал гвардии капитан Александр Петрович Еременко».

Петрович достал печать и громко шлепнул ее прямо на свою фамилию. Теперь уже архивный документ, лежал перед ним на столе и становился историей.

– Ну, вот и все! – Спокойно сказал Петрович. – Метиса больше нет, усыпил доктор боевого товарища. И, повернув голову в сторону удивленного дежурного офицера, громко и неумело театрально сказал:

– Пойду уберу труп собаки, а то завтра пополнение привезут, расселять-то куда-то надо всю эту свору новобранцев, вольеры сейчас в большом дефиците.

С этими словами, Петрович схватил со стола ключи, сунул в карман вырванные листы из личного дела Метиса, громко хлопнул дверью, и выбежав из дежурки, направился по длинному коридору к вольеру, где лежал и ждал своей участи одинокий пёс.

Дежурный устало посмотрел на входную дверь, перевел взгляд на сейф, вздохнул и покачал головой. Прислушиваясь к удаляющимся шагам Петровича, он сделал отметку в журнале и снова принялся за кроссворд.

Петрович шел по коридору быстрой и уверенной походкой, память разрывала его мозг на мелкие кусочки и перелистывая страницы прошлого не оставляла шансов на счастливое будущее. Для гвардии капитана Александра Петровича Еременко жизнь разделилась на две половины в тот день, когда погиб его лучший друг Сергей. Петрович любил его как родного сына, больше чем родного сына.

Впервые они встретились в военном училище, когда Петровича пригласили, как воина-интернационалиста рассказать курсантам про службу в Афганистане. Он не любил говорить об этом и стеснялся своих боевых наград. Но тут было другое дело. Будущим офицерам он отказать не мог, не имел права.

Петрович вошел в актовый зал, который был переполнен молодыми ребятами в военной форме. Воцарилась полная тишина. Офицер поздоровался и начал говорить. Он рассказывал про своих боевых товарищей, про интересные моменты из своей службы, про горы, душманов и вертушки… Ему было что рассказать, и ребята слушали его, открыв рот. В этот момент он понял самое главное, он нужен им, нужен его опыт, и его навыки. Именно тогда ему пришла в голову мысль, о том, чтобы остаться в училище навсегда, и тесно связать свою одинокую жизнь, с воспитанием будущих офицеров.

Молодой парень в форме курсанта военного училища подошел к нему после выступления и посмотрев на капитана ясными чистыми глазами спросил:

– Скажите, а с собакой мне разрешат служить в войсках?

Петрович посмотрел на парня и немного смутился. «На меня похож в молодости, – подумал он, и комок подступил к горлу, – вот таким и должен был быть мой сын». На душе у него стало спокойно и тепло, как будто он нашел родственную душу.

– Как зовут тебя, сынок? – спросил Петрович и почему-то нервно начал поправлять портупею, которая и так сидела на нем безукоризненно.

– Курсант Сергиенко, – командирским голосом отрапортовал парнишка и уже спокойным голосом, немного смущаясь перед старшим по званию, добавил – Сергей меня зовут, для меня это очень важно, товарищ капитан.

– Конечно разрешат, еще как разрешат, Это очень нужно в армии, – ответил офицер и спросил в ответ. – А что, у тебя есть собака?

– Пока нет, – ответил Сергей, и добавил, – но будет, обязательно будет.

Это была их первая встреча. Петрович помнил ее ясно и отчетливо, как будто это было только вчера. Потом судьба их сводила много раз. Сначала в военном училище, где Петрович остался преподавать, потом были командировки и боевые задания. Сергей мужал и становился мужчиной на глазах у Петровича. Худенький парнишка курсант становился настоящим боевым офицером. Чем дальше шло время, тем больше крепла дружба этих двух, очень похожих друг на друга людей, и тем больше смысла находил в жизни Петрович, принимая в свое сердце эту родственную душу.

Метис всегда был рядом. Сергей притащил его неизвестно откуда холодным февральским утром в своей шапке и положил нежно на стол, за которым сидел Петрович и пил чай.

– Смотри, Петрович, – закричал радостным голосом Сергей, – это он, понимаешь Петрович, он, мой пес.

Петрович посмотрел на щенка и удивленно воскликнул:

– Вот это, да! Да, это же волк! Ты где взял его? В лесу, что ли нашел? А? Серёга, давай колись.

– Петрович ты чего? – Ответил курсант, и прижал шапку к груди. – Он Метис, у него папа немецкая овчарка, а мама волчица, мне его егерь подарил, я его так и назвал, Метис.

– Так не бывает, – ответил Петрович, – никогда у волчицы не было щенков от собаки, у них, у волков это позор хуже смерти, вот у собаки от волка могут быть щенки сколько угодно, но только не наоборот. Это доказанный учеными неоспоримый факт.

– Мне егерь все рассказал. – С дрожью в голосе сказал Сергей. – Можно оставить его, а? Петрович, пожалуйста.

Ерёменко взял в руки этот маленький серый комочек, поднес его вплотную к своему лицу и пристально посмотрел на него.

– Метис говоришь? – Задумчиво произнес Петрович и положил щенка обратно в шапку Сергея. – Ну, пусть будет Метис, оставляй, сынок, раз к душе прикипел с первого взгляда, значит твой пес, сердцем выбирал, знаю, – сказал Петрович и улыбнулся.

Сергей сжал кулаки и громко крикнул «ура» от радости, схватил щенка и выскочил из комнаты, как ошпаренный.

Петрович встал, подошел к окну, через запотевшее стекло посмотрел вслед убегающему Сергею, вытер ладонью стекло и пробормотал про себя:

– Метис, надо же, Метис! Овчарка и волчица. Эх, Серега, Серега, и ведь нашел же!

А почему бы и нет?! Метис, так Метис.

Петрович подбежал к вольеру распахнул скрипучую ржавую дверь и вошел внутрь. Метис лежал в углу на старой шинели, и казалось, спал. Петрович подошел и присел на корточки возле старого пса, погладил его по голове и тихим голосом сказал:

– Вставай, дружище, нам пора, времени у нас с тобой совсем мало. Повезло нам с тобой брат, полковник свой оказался, правильный полковник, старый ваш с Серегой должник.

Метис поднял голову и посмотрел Петровичу прямо в глаза равнодушным пустым взглядом.

Петрович вынул из кармана остатки личного дела Метиса, и аккуратно сложил в кожаный чехол от своего штык-ножа. Затем крепким стальным карабином пристегнул его Метису на ошейник.

– Пошли! – Твердым голосом сказал Петрович и, более мягко, уже обращаясь как бы к самому себе, добавил, – Теперь ты оборотень, дружище, теперь тебя нет.

Метис давно научился понимать человеческую речь и привык беспрекословно выполнять приказы. Он вскочил, и слегка прихрамывая, вышел из вольера. Крадучись, практически бесшумно они прошли по длинному коридору, проползли мимо дежурной комнаты, где сидел любитель кроссвордов и, тихо открыв дверь, оказались на улице.

Шел сильный дождь. Казалось, сама природа помогала этому странному побегу.

– Беги к старой голубятне и жди меня там, – наклонившись к самому уху Метиса, сказал Петрович, – завтра утром я сдам смену и заберу тебя. Мы уедем с тобой далеко. Там тебе будет хорошо и все наконец-то оставят тебя в покое, – с этими словами Петрович отстегнул карабин, еще раз посмотрел Метису в глаза, и, перекрикивая шум дождя, крикнул, – Беги!

Старая голубятня находилась неподалеку, и Метис хорошо знал это место. Когда-то Сергей тренировал его там и у него был свой потаенный уголок, где он прятался от хозяина, когда хотел немного пошалить.

Метис выскочил на дорогу, огляделся по сторонам и исчез в кромешной дождливой темноте.

Петрович посмотрел ему вслед, поднял голову, щурясь от дождя, окинул взглядом черное небо, медленно и как-то странно неуклюже сел на ступеньки. Прислонившись спиной к грязной покрытой плесенью стене старой царской тюрьмы, Ерёменко глубоко и облегченно вздохнул:

– Вот и все! – Сказал он сам себе задумчиво, достал пачку сигарет, ловким привычным движением вытащил последнюю сигарету и чиркнул спичкой. Петрович сделал несколько глубоких затяжек, и посмотрел на часы. – Надо же, как быстро летит время, – подумал он, – через пять минут начнется новый день.

Он выкинул недокуренную сигарету, и закрыл глаза.

Спустя час, дежурный офицер, потягиваясь, вышел на улицу и увидел Петровича. Капитан Еременко сидел в той же позе и капли дождя медленно стекали по его безмятежному и спокойному лицу.

– Чего мокнешь Петрович? – Спросил Иван и добавил, – Пойдем лучше чай пить, а то смотри вон, промок совсем.

Петрович не отвечал. Казалось, он крепко спит.

«Вот дела, – подумал дежурный, – ничего не берет эту старую гвардию, что за люди? Крепкое поколение, намного сильнее наших, настоящие и стойкие».

Он подошел к Петровичу, дотронулся до него рукой и, уже с тревогой и явным суетливым беспокойством, пощупал пульс. Пульса не было.

Глава 2. Старая голубятня

Метис бежал, не оглядываясь. Он хорошо ориентировался в темноте. Промокнув до кончика хвоста, беглец добрался до старой голубятни и с трудом протиснулся в узкий проем между ветхой стеной и старыми досками, которые когда-то были лестницей. Бесшумно, словно он был на боевом задании, Метис пробрался в подвал и очутился в том самом потаенном месте, которое он облюбовал уже давно. Это было его личное укрытие. Он считал его своим с тех пор, когда тот, кого он любил, был жив, и когда его сердце колотилось от счастья и желания жить. Это было время, когда он точно знал, что его любят и что он по-настоящему нужен.

В нос ударил запах сырости. Метис пробрался в дальний угол, лапами разгрёб слежавшийся мусор. Свернулся калачиком на куче сырой ветоши и моментально провалился в глубокий и теплый сон, в котором на смену нескончаемому дождю темноте и сырости, вдруг появились солнце, зеленая трава и высокие деревья. Метис услышал пение птиц и увидел чистый прозрачный ручей, возле которого стояли два человека.

Одного из них Метис узнал сразу. Это был Сергей, его хозяин. Он был одет в камуфляжную форму, именно в такую, которая была на нём, в тот злополучный вечер, когда так трагично и безвозвратно оборвалась его жизнь. Лицо второго Метис не мог рассмотреть, потому что он стоял на коленях и с жадностью пил воду из ручья.

– Привет, бродяга, – сказал Сергей и улыбнулся такой привычной и родной улыбкой.

– Привет, Серый, – ответил Метис и от радости завилял хвостом.

– Ты так и не научился разговаривать на волчьем языке, брат? – спросил Сергей.

– Я стараюсь, но у меня никак не получается, – виновато ответил Метис.

– Ничего, Акелла, настанет день и у тебя обязательно получится, – Сергей погладил Метиса по голове. Старый пёс ощутил теплоту его родных рук и от удовольствия закрыл глаза.

– А когда он настанет? – спросил Метис, и открыв глаза, вопросительно посмотрел на своего хозяина.

– Скоро, брат, очень скоро. Просто время еще не пришло. Помнишь, как мы мечтали с тобой? Ты станешь настоящим волком, будешь стоять на скале советов, а внизу будет твоя стая. Помнишь? – Сергей посмотрел Метису прямо в глаза.

– Да, я помню, – ответил Метис, – я буду ждать, когда оно настанет, мое время.

– Волки будут смотреть на тебя как на своего вожака, и победный твой вой повергнет врагов в ужас и страх, а друзья возликуют от чувства близкой победы добра и справедливости!

– Я буду стараться, и ты обязательно будешь мной гордиться, – ответил Метис и положил голову Сергею на ладонь. Ему не хотелось просыпаться, чувство безграничного счастья овладело его душой.

– Рядом с тобой будет твоя верная подруга – белая волчица и маленькие волчата, твои дети. Все будут белые, а один будет похож на тебя, такой же красивый боевой пес, – продолжил Сергей и громко рассмеялся.

– Нет, не будет волчицы, – вдруг став серьезным ответил Метис, – ты же знаешь, я люблю только одну. Я такой же однолюб, как и ты. Мне никто не нужен, кроме неё.

– Ах, вот ты о ком! А ну, признавайся ловелас, Снежинка? Ну, давай, – смеялся Сергей, и Метис подумал во сне, что если бы собаки могли краснеть, он покраснел бы от смущения.

Сергей вдруг перестал смеяться, и лицо его стало серьезным, даже как показалось Метису злым. Голос его звучал, как колокольный набат, скорбно и тревожно.

– Нет больше Снежинки, брат, усыпили ее час назад, и Казбека, и Борзого. Всех ваших усыпили. Один ты остался, Акелла. Теперь тебе нужно рассчитывать, только на себя.

Сердце Метиса заколотилось от этих слов так, что ему показалось, что оно может выскочить наружу. От одной мысли об этом, стало больно и тоскливо на душе. Его друзья, его боевые товарищи, его любовь. Метис знал их с того момента, когда их, еще совсем молодыми, привезли в питомник. Снежинка, это была его первая и единственная любовь. Он вспомнил, когда увидел ее впервые и, как встретились их глаза. В тот миг, что-то оборвалось у него внутри, и сердце его перестало принадлежать ему самому. Метис вспомнил, как на прогулках ему хотелось невзначай дотронуться до нее и ощутить ее запах. Снежинка не сразу ответила ему взаимностью, ей не нравился этот непонятного окраса полукровка. Она рассуждала: «Что можно ждать от полуволка, полуовчарки? Наверное, у него несносный характер, а волчье в любой момент может взять верх, и тогда, страшно представить, что может быть тогда».

Но шло время, и Метис с каждым разом доказывал поступками свою надежность, преданность и смелость. Уже и окрас его казался ей не таким уж непонятным, и Снежинка ловила себя на мысли, что она скучает, если не видит его хотя бы один день.

Метис понимал, что это сон. Ему казалось, что вот сейчас он проснется, и все будет иначе, ему очень хотелось верить, что Сергей, который пришел к нему во сне, это всего лишь иллюзия, это просто игра его воображения, но смутное чувство тревоги и ощущение опасности, не покидали его даже во сне.

– А теперь вставай и уходи, – промолвил Сергей, – тебя ждут, ты нужен, иди, и судьба тебя приведет туда, где ты будешь счастлив, и где тебе будет хорошо.

– Мне хорошо рядом с тобой, Серый! И потом скоро придет Петрович, и заберет меня с собой, он обещал, он всегда держит слово. Я буду ждать его здесь, чтобы ни случилось.

Сергей повернул голову в сторону человека пьющего воду из ручья и, обращаясь к нему, сказал:

– Объясни ему, он хоть и умный пес, но кое-чего не понимает.

Человек поднялся с колен, вытер мокрые губы рукавом и повернулся к Метису.

– Петрович? – Удивленно воскликнул Метис – Ты уже пришел? Так быстро? Мы уже уходим?

– Прости старина, – ответил Петрович, и тоска отразилась в его глазах, – я тебе солгал, я не смогу забрать тебя, ты потом поймешь, теперь ты можешь рассчитывать только на себя.

– А теперь проснись, Метис, и беги! – Закричал Сергей. – Уходи отсюда, и не оборачивайся назад, беги. Сергей показал указательным пальцем куда-то поверх головы Метиса. Пёс обернулся и увидел черные, грозовые тучи, стихия стремительно приближалась. Он посмотрел на своего хозяина, и панический страх охватил его душу. Он пытался осознать, что же происходит с ним на самом деле.

– Ты никогда не называл меня этим именем, – взмолился Метис, – зачем так, Серый?

– Ты говорил Акелла, говорил Брат, иногда Дружище, но Метис? Что изменилось?

Яркое пятно света медленно начало расти за спинами офицеров, оно становилось больше и ярче. Через мгновение на него невозможно было смотреть. Размытые силуэты Сергея и Петровича начали тонуть в этом свете. Метис начал тревожно метаться во сне и вдруг услышал лай собак. Их было много. Очень много. Этот лай звучал у Метиса в ушах. Он начал искать глазами своих друзей, но их уже не было. Они исчезли из его сна, и Метис остался один. Последним усилием воли он поднял голову и попытался завыть, именно так, как это делают волки. Именно так, как пытался научить его Сергей. Но ничего не получалось. Какое-то жалкое рычание, полное мольбы и отчаянья, вылетало из его пасти. Метис разогнался, и спасаясь от надвигающейся бури, со всего разбегу прыгнул в холодный ручей. Ледяная вода покрыла его от лап до головы. Дышать было нечем. Он начал медленно идти

ко дну. Острыми иглами, холодная вода, пронзала его и сковывала движения. Метис вдруг понял, что сейчас он захлебнется. В этот момент он открыл глаза.

Яркие лучи утреннего света пробивались сквозь щели между трухлявых досок, и казалось, будто множество фонариков светят Метису прямо в глаза из глубокого туннеля.

Метис прищурился и с облегчением вздохнул. Он снова находился в реальности.

«Какой жуткий сон, – подумал пес, – хорошо, что всё это мне приснилось, еще этот лай собак… До сих пор стоит в ушах».

Но собачий лай почему-то не исчезал. Метис осознал, что слышит его наяву, где-то вдалеке, но очень отчетливо и явно. Он приподнялся, встал на задние лапы, и выглянул через большую щель между сырыми досками на улицу. Из старой голубятни было хорошо видно здание старой царской тюрьмы, где находился питомник, с которым у Метиса была связана большая часть его жизни.

То, что он увидел, повергло его в шок. Из большого зеленого автобуса, один за другим выходили офицеры, и каждый вел на поводке собаку. Все они были молоды, сильны и прямо из автобуса, казалось, уже рвались в бой. Это было то самое пополнение, о котором разговаривал высокий полковник с Петровичем. Для Метиса вдруг стало очевидным, что прошлое, закрылось навсегда. Никогда уже он не вернется обратно и нужно двигаться только вперёд. Ему стало грустно и немного обидно от этой мысли.

Менялось время, менялась эпоха. Старое уступало место новому. Метис вдруг вспомнил, как когда-то, очень давно, он сам, вот точно так же, выходил из зеленого автобуса. Вспомнил Сергея, молодого и красивого, вспомнил Снежинку, вспомнил её запах, от которого, у Метиса перехватывало дух. Как наяву, в его памяти возникла картинка, как он, крепкий и молодой впервые шел по длинному коридору к своему вольеру. Сергей крепко держал в руке его поводок, и гордость переполняла собачье сердце. Метис вспомнил того прапорщика, который ножом счищал ржавую табличку на решетке с именем предыдущего обитателя и белой краской наносил на нее теперь уже его имя. Он помнил всё до мелочей. Это было его прошлое, которое теперь исчезло и не вернется больше никогда.

В тот момент, Метис подумал – интересно, а где же тот, кто жил здесь до меня? Теперь он точно знал ответ на этот вопрос. Безжалостный механизм человеческой сущности совершенно спокойно избавляется от него и его собратьев. Выбрасывая отработанный материал на обочину жизни, тут же заменяя на тех, кто способен выполнять свою работу.

«Сейчас они зачистят мою табличку, и этот счастливчик будет жить там долго, и служить будет так же, как я, – думал пес, – пока не зачистят его табличку и все повторится снова».

Метис лег обратно на свое место. Ему было очень грустно и одиноко. Он снова свернулся калачиком, и, повинуясь последнему приказу, начал ждать Петровича.

Этот странный сон не выходил у него из головы. Глаза Сергея, слова Петровича. Неужели всё, что они сказали, это правда? Если Сергей умер, почему Петрович приходил вместе с ним? Все эти вопросы вертелись у Метиса в голове, и он не мог найти на них ответа. Вот так и пролежал несчастный пёс до позднего вечера, обдумывая все, что с ним произошло за последние несколько часов, и вспоминая странный сон.

Стемнело. Петровича не было. Очень хотелось есть. Он поймал летучую мышь, которую брезгливо съел, поддаваясь инстинктам. Еще раз выглянул в щель между досками. Вокруг царила непроглядная ночь. Одинокий фонарь над входом в питомник, словно огонек надежды, горел тусклым светом, собирая вокруг себя мошкару. Метис выбрался из своего убежища, потянулся и оглянулся по сторонам. Молодой месяц показался из-за туч, словно предвестник чего-то нового и неизведанного. Вокруг была глубокая темнота. Дождь давно прошел, воздух был свежий и чистый. Он в последний раз посмотрел в сторону питомника. Его удивила эта пугающая тишина. Вдалеке, на озере, заливались лягушки, перекрикивая

друг друга. Он очень любил гоняться за ними, когда Сергей водил его купаться. В этот момент Метис воспринял их, как родственные души, и сам удивился этой мысли. Прошло еще немного времени, когда он понял, что никто не придет за ним и, вспоминая вещий сон, где-то в глубине своего собачьего сознания понял почему. Он выскочил на дорогу, поднял голову и еще раз посмотрел на луну.

– Вот на такую и воют наши. И я когда-нибудь смогу, как Серый хотел, – подумал пес. Теперь уже никуда не торопясь, побрел прихрамывая прямо по центру дороги в неизвестность и вскоре исчез в темноте.

Глава 3. Егерь

Метис медленно брел по ночной дороге. Эпизод за эпизодом вспоминал он всю свою полную событий жизнь. Беглец помнил все, что в ней было хорошего и плохого, грустного и веселого. Память вновь и вновь возвращала его в тот далекий день, когда он совсем еще крохотным щенком сидел за пазухой старого егеря. Он жмурился от лучей утреннего солнца, разглядывал мелькающие деревья и кустарники и слышал странное бульканье мотора старого Уазика. Автомобиль громыхал и пыхтел так, что казалось, скоро захлебнется или просто разлетится на кусочки от неистовой скорости.

– Потерпи чуток, малыш, – закричал старый егерь, перекрикивая рев мотора. – Скоро приедем, да и найдем тебе хозяина, йок-макарек.

Странный мужик подумал щенок, разглядывая егеря. На первый взгляд большой и грозный, так и исходит от него опасность, а разговаривает как добрый.

Старый егерь Михалыч, как с любовью называли его и вышестоящее начальство, и охотники, и даже браконьеры, которых Михалыч ловил день и ночь, был живой легендой и местной достопримечательностью в одном лице.

День и ночь колесил Михалыч по своему егерскому хозяйству на стареньком уазике, самоотверженно и дотошно выполнял свою работу. Всю свою одинокую жизнь посвятил он служению природе и защите ее от самого главного ее врага – человека.

Местным жителям порой казалось, что даже лесные звери, все без исключения, знали и уважали старого и честного егеря.

Теплом и добротой веяло от этого угрюмого и не разговорчивого человека, и Метис едва появившись на свет, ощутил это на себе в полной мере.

Чихая и кашляя, как старая бабушка после простуды, влетел уазик в город и, выпуская черные клубы дыма из выхлопной трубы, направился в сторону Блошиного рынка.

Выглядывая из-за пазухи Михалыча, Метис с удивлением разглядывал, как проносились мимо дома и светофоры, как ходили люди по тротуарам, а мимо пролетали автомобили. Жизнь в городе кипела, и маленькому Метису все это было очень интересно. При всём при этом, он чувствовал себя в абсолютной безопасности, ведь с ним был Михалыч, которому Метис интуитивно доверял.

Припарковав уазик в одном из прилегающих к Блошиному рынку дворов, Михалыч прижимая Метиса к своей груди, протиснулся между бабушек торгующих всякой всячиной и оказался в самом Центре Блошиного рынка.

Поискав глазами свободное место среди торговцев кошками, собаками, попугаями, рыбками и другой живностью, Михалыч скромно присел на ступеньку ближайшей торговой лавки. Он опустил глаза от смущения и положил Метиса на колени.

Торговый день был в самом разгаре. Народ суетился. Тут и там мелькали родители с детьми. Кто-то тащил клетку с канарейкой, кто-то уносил лукошко с пушистым персидским котенком, а кто-то просто бродил между рядов и щелкал семечки от безделья.

Михалыч сидел тихонько на ступеньках и озирался по сторонам в надежде, что кто-нибудь проявит заинтересованность в этом сером комочке, мирно посапывающем у него на коленях.

– Какая порода? – вдруг услышал Михалыч звучный, как труба голос и резко поднял голову. Большой дядька в дорогом пальто и каракулевой шапке стоял перед ним с авоськами в обеих руках, набитыми всевозможной едой. За спиной дядьки стояла миниатюрная женщина, очевидно жена, которая молча, и безучастно смотрела по сторонам.

– Овчарка это, – не моргнув глазом, сказал Михалыч, – месяца ему еще нет, малой совсем, наполовину немецкая овчарка наполовину волк.

Миниатюрная женщина вздрогнула и нервно принялась дергать дядьку за рукав, призывая поскорее уйти.

– Большой вырастет? – одергивая рукав, спросил Михалыча дядька, и поставил авоськи на землю. – Дачу охранять сможет?

Михалыч от радости, что хоть кто-то заинтересовался щенком, залепетал:

– Большой вырастет! Отец у него размером с молодого телёнка был, – и Михалыч показал рукой, явно преувеличивая размеры, – а насчет дачи, йок-макарек, вообще не переживайте, порода у отца его такая, что охраняй и охраняй.

– Сколько хочешь за него? – спросил дядька и полез за кошельком. Михалыч облегченно вздохнул и с радостью выпалил, потирая ладони от волнения:

– Так отдаю, даром, жалко мальца, маленький совсем.

Тут вмешалась миниатюрная женщина. По её манере разговаривать, было видно, что настроена она негативно:

– Саша, нам на даче еще волков не хватало, весь лес туда потащится, как узнают его сородичи, что такое неведомое чудо нашу дачу охраняет. Что будем тогда делать?

Она с усилием начала оттаскивать большого дядьку от Михалыча, в сторону выхода.

– Погоди, отец, – сказал дядька, – сейчас с женщиной улажу и заберу твоего красавца, сам понимаешь, баба есть баба. Ты подержи его, я вернусь через пару минут.

С этими словами странная парочка отошла в сторону и принялась что-то бурно обсуждать. Они оживленно размахивали руками и изредка поглядывали в сторону Михалыча и его щенка. Старый егерь понимая, что теперь судьба собаки зависит только от миниатюрной женщины, глубоко вздохнул и снова сел на ступеньку.

Чтобы скрыть волнение Михалыч начал неумело делать вид, что ему совершенно не интересно, чем закончится словесная баталия ячейки общества и принялся разглядывать прохожих с деловым видом. Ситуация накалилась до предела.

– А можно мне? – услышал Михалыч за спиной голос и от удивления даже потер глаза.

Молодой парень в новенькой форме курсанта стоял перед ним и восторженно смотрел на щенка. Он сильно волновался, переминаясь с ноги на ногу.

– А можно мне? – Повторил курсант с дрожью в голосе. – Мне очень нужно, я все лето копил. Пожалуйста, у меня вот, столько хватит? С этими словами, он достал из нагрудного кармана аккуратно сложенные несколько денежных купюр и протянул их Михалычу. Егерь равнодушно посмотрел на деньги и оглянулся с тревогой на странную семейную пару, после чего пробормотал про себя что-то невнятное и посмотрел парню прямо в глаза. Огромные, чистые, уверенные и вместе с тем добрые глаза смотрели на Михалыча с мольбой и отчаяньем.

– Ты того, это, йок-макарек, пацан, убери деньги. – Михалыч хлопнул себя по коленке и в сердцах воскликнул. – И откуда ты такой взялся? Ты кто вообще, солдатик?

– Из училища я, – ответил курсант, – Военное училище здесь недалеко, знаете?

Михалыч почувствовал, как комок подступил к горлу, перед ним стоял человек, которому действительно был необходим этот щенок, егерь понял это душой и сердцем. Он прожил долгую жизнь и очень хорошо, разбирался в людях.

– Собаку хочешь, говоришь? – спросил Михалыч. Он присел на ступеньку и знаком пригласил парня присесть рядом с ним.

– Очень хочу, – ответил курсант, – больше всего на свете хочу. Я заботится о нем, буду, любить его, кормить хорошо. Я уже и на кухне договорился. А потом, когда он вырастет, мы пойдём с ним служить в армию. Мне Петрович рассказывал, что это, очень сейчас нужно.

Михалыч почесал затылок и громко хлопнул себя по другой коленке.

– Вот, йок-макарек, задача! – Воскликнул егерь и посмотрел на дремлющего беззаботно щенка. Тот мирно посапывал у Михалыча на руках, чуть подергивая кончиком хвоста.

В этот момент, дядька с авоськами и миниатюрной женой подошел к Михалычу:

– Все, договорился. Смелость города берет, а тут женщину убедить, тьфу, проще пареной репы. Давай, отец, своего пса волчистого сюда. Пойду я ему цепь покупать. Пусть с детства приучается, – с этими словами дядька сделал шаг к Михалычу намереваясь взять собаку.

Михалыч быстрым взглядом посмотрел на молодого человека, тот стоял ни живой, ни мертвый от такого поворота событий, затем перевел взгляд на Метиса, который уже проснулся и мотал головой туда-сюда, не понимая, чего от него хотят. В упор посмотрел на решительного дядьку.

– Нет! – Отрезал Михалыч, – Щенка не отдаю! – И еще более решительно посмотрел на обомлевшего дядьку.

– Как это? – возмутился дядька, – Мы же договаривались?

– Я передумал, – сказал Михалыч и победоносно улыбнувшись, посмотрел на испуганного парня, – вот внуку своему отдам. Давно хотел служивый собаку-то себе, йок-макарек, обещал я, а слово, оно не воробей. Прости дядя, не отдам собаку.

– Эх, а еще взрослый человек, – разочаровано промычал дядька и начал поднимать с земли свои авоськи, – да ну тебя и твою полукровку к черту, только время из-за тебя потерял. Пусть забирает эту шавку, не очень-то и хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.